

Михаил
БУЛГАКОВ

Театральный роман

Михаил Булгаков

Бег

«наследники Булгакова М.»

Булгаков М. А.

Бег / М. А. Булгаков — «наследники Булгакова М.»,

«Бег». Знаковое для творчества Михаила Булгакова произведение. Произведение глубокое, многоплановое и многозначное, в котором судьба поколения, опаленного огнем войны и революции, предстает во всем величии подлинной трагедии. В книгу также вошли классические, до сих пор не сходящие с театральных подмостков пьесы Булгакова, являющие собой иную грань яркого, масштабного таланта...

© Булгаков М. А.

© наследники Булгакова М.

Содержание

Действующие лица	7
Действие первое	8
Сон первый	8
Сон второй	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Михаил Булгаков
Бег
Восемь снов
Пьеса в четырех действиях

*Бессмертье – тихий, светлый берег;
Наш путь – к нему стремление.
Покойся, кто свой кончил бег!..
Жуковский*

Действующие лица

С е р а ф и м а В л а д и м и р о в н а К о р з у х и н а – молодая петербургская дама.

С е р г е й П а в л о в и ч Г о л у б к о в – сын профессора-идеалиста из Петербурга.

А ф р и к а н – архиепископ Симферопольский и Карасу-Базарский, архипастырь именитого воинства, он же химик М а х р о в.

П а и с и й – монах.

Д р я х л ы й и г у м е н.

Б а е в – командир полка в Конармии Буденного.

Б у д е н о в е ц.

Г р и г о р и й Л у к ь я н о в и ч Ч а р н о т а – запорожец по происхождению, кавалерист, генерал-майор в армии белых.

Б а р а б а н ч и к о в а – дама, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

Л ю с ь к а – походная жена генерала Чарноты.

К р а п и л и н – вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.

Д е Б р и з а р – командир гусарского полка у белых.

Р о м а н В а л е р ь я н о в и ч Х л у д о в.

Г о л о в а н – есаул, адъютант Хлудова.

К о м е н д а н т с т а н ц и и.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и.

Н и к о л а е в н а – жена начальника станции.

О л ь к а – дочь начальника станции, 4-х лет.

П а р а м о н И л ь и ч К о р з у х и н – муж Серафимы.

Т и х и й – начальник контрразведки.

С к у н с к и й, Г у р и н – служащие в контрразведке.

Б е л ы й г л а в н о к о м а н д у ю щ и й.

Л и ч и к о в к а с с е.

А р т у р А р т у р о в и ч – тараканий царь.

Ф и г у р а в к о т е л к е и в и н т е н д а н т с к и х п о г о н а х

Т у р ч а н к а, л ю б я щ а я м а т ь.

П р о с т и т у т к а – красавица.

Г р е к-д о н ж у а н.

А н т у а н Г р и щ е н к о – лакей Корзухина.

М о н а х и, б е л ы е с т а б н ы е о ф и ц е р ы, к о н в о й н ы е к а з а к и Б е л о г о г л а в н о к о м а н д у ю щ е г о, к о н т р-р а з в е д ч и к и, к а з а к и в б у р к а х, а н г л и й с к и е, ф р а н ц у з с к и е и и т а л ь я н с к и е м о р я к и, т у р е ц к и е и и т а л ь я н с к и е п о л и ц е й с к и е, м а л ь ч и ш к и т у р к и и г р е к и, а р м я н с к и е и г р е ч е с к и е г о л о в ы в о к н а х, т о л п а в К о н с т а н т и н о п о л е.

Сон первый происходит в Северной Таврии в октябре 1920 года. Сны второй, третий и четвертый – в начале ноября 1920 года в Крыму.

Пятый и шестой – в Константинополе летом 1921 года.

Седьмой – в Париже осенью 1921 года.

Восьмой – осенью 1921 года в Константинополе.

Действие первое

Сон первый

Мне снился монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...»

Тьма, а потом появляется скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви. Неверное пламя выдирает из тьмы конторку, в коей продают свечи, широкую скамейку возле нее, окно, забранное решеткой, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые венцы. За окном безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На скамейке, укрытая с головой попоной, лежит Б а р а б а н ч и к о в а. Химик М а х р о в, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится в нем что-то разглядеть... В высоком игуменском кресле сидит С е р а ф и м а, в черной шубе.

Судя по лицу, Серафиме нездоровится.

У ног Серафимы на скамеечке, рядом с чемоданом, – Г о л у б к о в, петербургского вида молодой человек в черном пальто и в перчатках.

Г о л у б к о в (*прислушиваясь к пению*). Вы слышите, Серафима Владимировна? Я понял, у них внизу подземелье... В сущности, как странно все это! Вы знаете, временами мне начинает казаться, что я вижу сон, честное слово! Вот уже месяц, как мы бежим с вами, Серафима Владимировна, по весям и городам, и чем дальше, тем непонятнее становится крутом... Видите, вот уж и в церковь мы с вами попали! И знаете ли, когда сегодня случилась вся эта кутерьма, я заскучал по Петербургу, ей-Богу! Вдруг так отчетливо вспомнилась мне зеленая лампа в кабинете...

С е р а ф и м а. Эти настроения опасны, Сергей Павлович. Берегитесь затосковать во время скитаний. Не лучше ли было бы вам остаться?

Г о л у б к о в. О нет, нет, это бесповоротно, и пусть будет что будет! И потом, ведь вы уже знаете, что скрашивает мой тяжелый путь... С тех пор как мы случайно встретились в теплушке под тем фонарем, помните... прошло ведь, в сущности, немного времени, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно-давно! Мысль о вас облегчает этот полет в осенней мгле, и я буду горд и счастлив, когда донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. И хотя мне будет скучно без вас, я буду радоваться вашей радостью.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(*Погладив ее руку.*) Позвольте, да у вас жар?

С е р а ф и м а. Нет, пустяки.

Г о л у б к о в. То есть как пустяки? Жар, ей-Богу, жар!

С е р а ф и м а. Вздор, Сергей Павлович, пройдет...

Мягкий пушечный удар. Барабанчикова шевельнулась и простонала.

Послушайте, madame, вам нельзя оставаться без помощи. Кто-нибудь из нас проберется в поселок, там, наверно, есть акушерка.

Г о л у б к о в. Я сбегаю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

С е р а ф и м а. Почему же вы не хотите, голубушка?

Б а р а б а н ч и к о в а (*капризно*). Не надо.

Серафима и Голубков в недоумении.

М а х р о в (*тихо, Голубкову*). Загадочная и весьма загадочная особа!

Г о л у б к о в (*шепотом*). Вы думаете, что...

М а х р о в. Я ничего не думаю, а так... лихолетье, сударь, мало ли кого ни встретишь на своем пути! Лежит какая-то странная дама в церкви...

Пение под землей смолкает.

П а и с и й (*появляется бесшумно, черен, испуган*). Документики, документики приготовьте, господа честные! (*Задувает все свечи, кроме одной.*)

Серафима, Голубков и Махров достают документы. Барабанчикова высовывает руку и выкладывает на попону паспорт.

Б а е в (*входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден. За Баевым – Буденовец с фонарем*). А чтоб их черт задавил, этих монахов! У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?

П а и с и й. Здесь, здесь, здесь...

Б а е в (*Буденовицу*). Посмотри.

Буденовец с фонарем исчезает в железной двери.

(*Паисию.*) Был огонь на колокольне?

П а и с и й. Что вы, что вы! Какой огонь?

Б а е в. Огонь мерцал! Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном к стенке поставлю! Вы фонарями белым махали!

П а и с и й. Господи! Что вы?

Б а е в. А эти кто такие? Ты же говорил, что в монастыре ни одной души посторонней нету!

П а и с и й. Беженцы они, бе...

С е р а ф и м а. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке, мы и бросились в монастырь. (*Указывает на Барабанчикову.*) Вот женщина, у нее роды начинаются...

Б а е в (*подходит к Барабанчиковой, берет паспорт, читает*). Барабанчикова, замужняя...

П а и с и й (*сатанея от ужаса, шепчет*). Господи, Господи, только это пронеси! (*Готов убежать.*) Святой славный великомученик Димитрий...

Б а е в. Где муж?

Барабанчикова простонала.

Б а е в. Нашла время, место рожать! (*Махрову.*) Документ!

М а х р о в. Вот документик! Я – химик из Мариуполя.

Б а е в. Много вас тут химиков во фронтовой полосе!

М а х р о в. Я продукты ездил покупать, огурчики...

Б а е в. Огурчики!

Б у д е н о в е ц (*появляется внезапно*). Товарищ Баев! На колокольне ничего не обнаружил, а вот что... (*Шепчет на ухо Баеву.*)

Б а е в. Да что ты! Откуда?

Б у д е н о в е ц. Верно говорю. Главное, темно, товарищ командир.

Б а е в. Ну ладно, ладно, пошли. (*Голубкову, который протягивает свой документ.*) Некогда, некогда, после. (*Паисию.*) Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

П а и с и й. Нет, нет, нет...

Б а е в. Только молитесь? А вот за кого вы молитесь, интересно было бы знать? За черного барона или за советскую власть? Ну ладно, до скорого свидания, завтра разберемся! (*Уходит вместе с Буденовцем.*)

За окнами послышалась глухая команда, и все стихло, как бы ничего и не было. Паисий жадно и часто крестится, зажигает свечи и исчезает.

М а х р о в. Расточились... Недаром сказано: и даст им начертание на руках или на челах их... Звезды-то пятиконечные, обратили внимание?

Г о л у б к о в (*шепотом, Серафиме*). Я совершенно теряюсь, ведь эта местность в руках у белых, откуда же красные взялись? Внезапный бой?.. Отчего все это произошло?

Б а р а б а н ч и к о в а. Это оттого произошло, что генерал Крапчиков – задница, а не генерал! (*Серафиме*.) Пардон, мадам.

Г о л у б к о в (*машинально*). Ну?

Б а р а б а н ч и к о в а. Ну что – ну? Ему прислали депешу, что конница красная в тылу, а он, язви его душу, расшифровку отложил до утра и в винт сел играть.

Г о л у б к о в. Ну?

Б а р а б а н ч и к о в а. Малый в червах объявил.

М а х р о в (*тихо*). Ого-го, до чего интересная особа!

Г о л у б к о в. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела: у меня были сведения, что здесь, в Курчулане, должен был быть штаб генерала Чарноты...

Б а р а б а н ч и к о в а. Вот какие у вас подробные сведения! Ну, был штаб, как не быть. Только он весь вышел.

Г о л у б к о в. А куда же он удалился?

Б а р а б а н ч и к о в а. Совершенно определенно – в болото.

М а х р о в. А откуда вам все это известно, мадам?

Б а р а б а н ч и к о в а. Очень уж ты, архипастырь, любопытен!

М а х р о в. Позвольте, почему вы именуете меня архипастырем?

Б а р а б а н ч и к о в а. Ну ладно, ладно, это скучный разговор, отойдите от меня.

Паисий вбегает, опять тушит свечи все, кроме одной, смотрит в окно.

Г о л у б к о в. Что еще?

П а и с и й. Ох, сударь, и сами не знаем, кого нам еще Господь послал и будем ли мы живы к ночи! (*Исчезает так, что кажется, будто он проваливается сквозь землю*.)

Послышался многокопытный топот, в окне затанцевали отблески пламени.

С е р а ф и м а. Пожар?

Г о л у б к о в. Нет, это факелы. Ничего не понимаю, Серафима Владимировна! Белые войска, клянусь, белые! Свершилось! Серафима Владимировна, слава Богу, мы опять в руках белых! Офицеры в погонах!

Б а р а б а н ч и к о в а (*садится, кутаясь в попону*). Ты, интеллигент проклятый, заткнись мгновенно! «Погоны», «погоны»! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна! Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый! А если отряд переодетый? Тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол.

Ну, зазвонили! Засыпались монахи-идиоты! (*Голубкову*.) Какие штаны на них?

Г о л у б к о в. Красные!.. А вон еще въехали, у тех синие с красными боками...

Б а р а б а н ч и к о в а. «Въехали с боками»!.. Черт тебя возьми! С лампасами?

Послышалась глухая команда де Бризара: «Первый эскадрон, слезай!»

Что такое! Не может быть? Его голос! (*Голубкову*.) Ну, теперь кричи, теперь смело кричи, разрешаю! (*Сбрасывает с себя попону и тряпье и выскакивает в виде генерала Чарноты. Он в черкеске со смятыми серебряными погонями. Револьвер, который у него был в руках, засовывает в карман, подбегает к окну, распахивает его, кричит*.) Здравствуйте, гусары! Здравствуйте, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

Дверь открывается, и первой вбегает Л ю с ь к а в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами. За ней – обросший бородой д е Б р и з а р и вестовой К р а п и л и н с факелом.

Л ю с ь к а. Гриша! Гри-Гри! (*Бросается на шею Чарноте*.) Не верю глазам! Живой? Спасся? (*Кричит в окно*.) Гусары, слушайте, генерала Чарноту отбили у красных!

За окном шум и крики.

Л ю с ь к а. Ведь мы по тебе панихиду собирались служить!

Ч а р н о т а. Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в червах... и на тебе – пулеметы! Буденный – на тебе, с небес! Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял, да не те документы мне и сунул! Приползаю сюда, в монастырь, глядь, документы-то бабы, женины – мадам Барабанчикова, и удостоверение – беременная! Крутом красные, ну, говорю, кладите меня, как я есть, в церкви! Лежу, рожаю, слышу, шпорами – шлеп, шлеп!..

Л ю с ь к а. Кто?

Ч а р н о т а. Командир-буденовец.

Л ю с ь к а. Ах!

Ч а р н о т а. Думаю, куда же ты, буденовец, шлепаешь? Ведь твоя смерть лежит под попоной! Ну приподымай, приподымай ее скорей! Будут тебя хоронить с музыкой! И паспорт он взял, а попону не поднял!

Люська визжит.

(*Выбегает, в дверях кричит.*) Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

Послышались крики. Люська выбегает вслед за Чарнотой.

Д е Б р и з а р. Ну, я-то попону приподыму! Не будь я краповый черт, если я на радостях в монастыре кого-нибудь не повешу! Этих, видно, красные второпях забыли! (*Махрову.*) Ну, у тебя и документ спрашивать не надо. По волосам видно, что за птица! Крапилин, свети сюда!

П а и с и й (*влетает*). Что вы, что вы? Это его высокопреосвященство! Это высокопреосвященнейший Африкан!

Д е Б р и з а р. Что ты, сатана чернохвостая, несешь?

Махров сбрасывает шапку и тулуп.

(*Всматривается в лицо Махрова.*) Что такое? Ваше высокопреосвященство, да это действительно вы?! Как же вы сюда попали?

А ф р и к а н. В Курчулан приехал благословить донской корпус, а меня пленили красные во время набега. Спасибо, монахи снабдили документами.

Д е Б р и з а р. Черт знает что такое! (*Серафиме.*) Женщина, документ!

С е р а ф и м а. Я жена товарища министра торговли. Я застряла в Петербурге, а мой муж уже в Крыму. Я бегу к нему. Вот фальшивые документы, а вот настоящий паспорт. Моя фамилия Корзухина.

Д е Б р и з а р. Mille excuses, madame!¹ А вы, гусеница в штатском, уж не обер ли вы прокурор?

Г о л у б к о в. Я не гусеница, простите, и отнюдь не обер-прокурор! Я сын знаменитого профессора-идеалиста Голубкова и сам приват-доцент, бегу из Петербурга к вам, к белым, потому что в Петербурге работать невозможно.

Д е Б р и з а р. Очень приятно. Ноев ковчег!

Кованый люк в полу открывается, из него подымается дряхлый И г у м е н, а за ним – х о р м о н а х о в со свечами.

И г у м е н (*Африкану*). Ваше высокопреосвященство! (*Монахам.*) Братие! Сподобились мы владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить!

Монахи облачают взволнованного Африкана в мантию, подают ему жезл.

Владыко. Прими вновь жезл сей, им же утверждай паству...

А ф р и к а н. Воззри с небес, Боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя!

М о н а х и (*внезапно запели*). Εἰς πολλὰ ἔτη δεΐξεται!²

¹ Тысяча извинений, мадам! (франц.)

² Греческая молитва. «На все века, владыка!»

В дверях вырастает Ч а р н о т а, с ним – Л ю с ь к а.

Ч а р н о т а. Что вы, отцы святые, белены объелись, что ли? Не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка, хор!.. *(Показывает жестом – «уходят».)*

А ф р и к а н. Братие! Выйдите!

Игумен и монахи уходят в землю.

Ч а р н о т а *(Африкану)*. Ваше высокопреосвященство, что же это вы тут богослужение устроили? Драпать надо! Корпус идет за нами по пятам, ловят нас! Нас Буденный к морю придушит! Вся армия уходит! В Крым идем! К Роману Хлудову под крыло!

А ф р и к а н. Всеблагий Господи, что же это? *(Схватывает свой тулуп.)* Двуколки с вами-то есть? *(Исчезает.)*

Ч а р н о т а. Карту мне! Свети, Крапилин! *(Смотрит на карту.)* Все заперто! Гроб!

Л ю с ь к а. Ах ты, Крапчиков, Крапчиков!..

Ч а р н о т а. Стой! Щель нашел! *(Де Бризару.)* Возьмешь свой полк, пойдешь на Алма-найку. Притянешь их немножко на себя, тогда на Бабий Гай и переправляйся хоть по глотку! Я после тебя подамся к молоканам на хутора, с донцами, и хоть позже тебя, а выйду на Арабат-скую стрелу, там соединимся. Через пять минут выходи!

Д е Б р и з а р. Слушаю, ваше превосходительство.

Ч а р н о т а. Ф-фу!.. Дай хлебнуть, полковник.

Г о л у б к о в. Серафима Владимировна, вы слышите? Белые уезжают. Нам надо бежать с ними, иначе мы опять попадем в руки к красным. Серафима Владимировна, почему вы не отзываетесь, что с вами?

Л ю с ь к а. Дай и мне.

Де Бризар подает фляжку Люське.

Г о л у б к о в *(Чарноте)*. Господин генерал, умоляю вас, возьмите нас с собой! Серафима Владимировна заболела... Мы в Крым бежим... С вами есть лазарет?

Ч а р н о т а. Вы в университете учились?

Г о л у б к о в. Конечно, да...

Ч а р н о т а. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля попадет в голову на Бабьем Гае, лазарет вам очень поможет, да? Вы бы еще спросили, есть ли у нас рентгеновский кабинет. Интеллигенция!.. Дай-ка еще коньячку!

Л ю с ь к а. Надо взять. Красивая женщина, красным достанется.

Г о л у б к о в. Серафима Владимировна, подымайтесь! Надо ехать!

С е р а ф и м а *(глухо)*. Знаете что, Сергей Павлович, мне, кажется, действительно нездоровится... Вы поезжайте один, а я здесь в монастыре прилягу... мне что-то жарко...

Г о л у б к о в. Боже мой! Серафима Владимировна, это немыслимо! Серафима Владимировна, подымайтесь!

С е р а ф и м а. Я хочу пить... и в Петербург...

Г о л у б к о в. Что же это такое?..

Л ю с ь к а *(победоносно)*. Это тиф, вот что это такое.

Д е Б р и з а р. Сударыня, вам бежать надо, вам худо у красных придется. Впрочем, я говорить не мастер. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

К р а п и л и н. Так точно, ехать надо.

Г о л у б к о в. Серафима Владимировна, надо ехать...

Д е Б р и з а р. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

К р а п и л и н. Так точно, ехать надо!

Д е Б р и з а р *(глянул на браслет-часы)*. Пора! *(Выбегает.)*

Послышалась его команда: «Садись!» – потом топот.

Л ю с ь к а. Крапилин! Подымай ее, бери силой!

К р а п и л и н. Слушаюсь! *(Вместе с Голубковым подымают Серафиму, ведут под руки.)*

Л ю с ь к а. В двуколку ее!

Уходят.

Ч а р н о т а (*один, допивает коньяк, смотрит на часы*). Пора.

И г у м е н (*вырастает из люка*). Белый генерал! Куда же ты? Неужто ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение?!

Ч а р н о т а. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи, садись в подземелье! Прощай! (*Исчезает.*)

Послышался его крик: «Садись! Садись!» – потом страшный топот, и все смолкает. Паисий появляется из люка.

П а и с и й. Отче игумен! А отец игумен! Что ж нам делать? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили! Что же нам, мученический венец принимать?

И г у м е н. А где ж владыко?

П а и с и й. Ускакал, ускакал в двуколке!

И г у м е н. Пастырь, пастырь недостойный!.. Покинувший овцы своя! (*Кричит глухо в подземелье.*) Братие! Молитесь!

Из-под земли глухо послышалось: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...». Тьма съедает монастырь. Сон первый кончается.

Сон второй

...Сны мои становятся все тяжелее...

Возникает зал на неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна, за ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами.

Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печки и керосиновые лампы на столах. В глубине, над выходом на главный перрон, надпись по старой орфографии: «Отделение оперативное». Стеклянная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом, на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот – Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая разноцветная лампада. Зал занят б е л ы м и ш т а б н ы м и о ф и ц е р а м и. Большинство из них в башлыках и наушниках. Бесчисленные полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машинки в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.

Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы увидеть беспокойный налет в глазах у всех этих людей. И еще одно – страх и надежду можно разобрать в этих глазах, когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса.

Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкой, съжившись на высоком табурете, сидит Р о м а н В а л е р ь я н о в и ч Х л у д о в. Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия.

Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать. Когда хочет изобразить улыбку, скалится.

Он возбуждает страх. Он болен – Роман Валерьянович.

Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в Хлудова есаул Г о л о в а н.

Х л у д о в (*диктует Головану*). «...Запятая. Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал. Точка. Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. Точка. Подпись – Хлудов. Точка».

Г о л о в а н (*передает написанное кому-то*). Зашифровать, послать главнокомандующему.

Первый штабной (*осветившись сигналом с телефона, стонет в телефон*). Да, слушаю... слушаю... Буденный?.. Буденный?..

Второй штабной (*стонет в телефон*). Таганаш... Таганаш...

Третий штабной (*стонет в телефон*). Нет, на Карпову балку...

Голован (*осветившись сигналом, подает Хлудову трубку*). Ваше превосходительство...

Хлудов (*в трубку*). Да. Да. Да. Нет. Да. (*Возвращает трубку Головану.*) Мне коменданта.

Голован. Коменданта!

Голоса-эхо побежали: «Коменданта, коменданта!» Командант, бледный, косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между столами, предстает перед Хлудовым.

Хлудов. Час жду бронепоезд «Офицер» на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В чем дело?

Командант (*мертвым голосом*). Начальник станции, ваше превосходительство, доказал мне, что «Офицер» пройти не может.

Хлудов. Дайте мне начальника станции.

Командант (*бежит, на ходу говорит кому-то всхлипывающим голосом*). Что ж я-то поделаю?

Хлудов. У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило. С палкой ходит бронепоезд, а пройти не может. (*Звонит.*)

На стене вспыхивает надпись: «Отделение контрразведывательное». На звонок из стены выходит Тихий, останавливается около Хлудова, тих и внимателен.

Хлудов (*обращается к нему*). Никто нас не любит, никто. И из-за этого трагедии, как в театре все равно.

Тихий тих.

Хлудов (*яростно*). Печка с угаром, что ли?

Голован. Никак нет, угару нет.

Перед Хлудовым предстает Командант, а за ним Начальник станции.

Хлудов (*Начальнику станции*). Вы доказали, что бронепоезд пройти не может?

Начальник станции (*говорит и движется, но уже сутки человек мертвый*). Так точно, ваше превосходительство. Физической силы-возможности нету! Вручную сортировали и забили начисто, пробка!

Хлудов. Вторая, значит, с угаром?

Голован. Сию минуту! (*Кому-то в сторону.*) Залить печку!

Начальник станции. Угар, угар.

Хлудов (*Начальнику станции*). Мне почему-то кажется, что вы хорошо относитесь к большевикам. Вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека есть свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!

Начальник станции (*говорит вздор*). Ваше высокопревосходительство, за что же такое подозрение? У меня детишки... еще при государе императоре Николае Александровиче... Оля и Павлик, детки... тридцать часов не спал, – верьте Богу! – и лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко известен. Но я ему, Родзянко, не сочувствую... У меня дети...

Хлудов. Искренний человек, а? Нет? Нужна любовь, а без любви ничего не сделаешь на войне! (*Укоризненно, Тихому.*) Меня не любят. (*Сухо.*) Дать сапер. Толкать, сортировать. Пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной семафор! Если в течение этого времени приказание не будет исполнено, коменданта арестовать! А начальника станции повесить на семафоре, осветив под ним подпись «Саботаж».

Вдали в это время слышался нежный медленный вальс. Когда-то под этот вальс танцевали на гимназических балах.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (*вяло*). Ваше высокопревосходительство, мои дети еще в школу не ходили...

Тихий берет Начальника станции под руку и уводит. За ними – Комендант.

Х л у д о в. Вальс?

Г о л о в а н. Чарнота подходит, ваше превосходительство.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (*за стеклянной перегородкой оживает, кричит в телефон*). Христофор Федорович! Христом-Богом заклинаю: с четвертого и пятого пути все составы вплотную гони на Таганаш! Саперы будут! Как хочешь толкай! Господом заклинаю!

Н и к о л а е в н а (*появилась возле Начальника станции*). Что такое, Вася, что?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Ох, беда, Николаевна! Беда над семьей! Ольку, Ольку волоки сюда, в чем есть волоки!

Н и к о л а е в н а. Ольку? Ольку? (*Исчезает.*)

Вальс обрывается. Дверь с перрона открывается, и входит Ч а р н о т а, в бурке и папахе, проходит к Хлудову. Л ю с ь к а, вбежавшая вместе с Чарнотой, остается в глубине у дверей.

Ч а р н о т а. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, сводная кавалерийская дивизия подошла.

Хлудов молчит, смотрит на Чарноту.

Ваше превосходительство! (*Указывает куда-то вдаль.*) Что же это вы делаете? (*Внезапно снимает папаху.*) Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати!

Х л у д о в. Молчать!

Чарнота надевает папаху.

Обоз бросите здесь, пойдете на Карпову балку, станете там.

Ч а р н о т а. Слушаю. (*Отходит.*)

Л ю с ь к а. Куда?

Ч а р н о т а (*тускло*). На Карпову балку.

Л ю с ь к а. Я с тобой. Бросаю я этих раненых и Серафиму тифозную.

Ч а р н о т а (*тускло*). Можешь погибнуть.

Л ю с ь к а. Ну и слава Богу! (*Уходит с Чарнотой.*)

Послышалось лязганье, стук, потом страдальческий вой бронепоезда. Н и к о л а е в н а врывается за перегородку, тащит О л ь к у, закутанную в платок.

Н и к о л а е в н а. Вот она, Оля, вот она!

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (*в телефон*). Христофор Федорович, дотянул?! Спасибо тебе, спасибо! (*Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову.*)

За ним – Т и х и й и К о м е н д а н т.

Х л у д о в (*Начальнику станции*). Ну что, дорогой, прошел? Прошел?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Прошел, ваше высокопревосходительство, прошел!

Х л у д о в. Зачем ребенок?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Олечка, ребенок... способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

Х л у д о в. Да, девочка... Серсо. В серсо играет? Да? (*Достает из кармана карамель.*) Девочка, на! Курить доктора запрещают, нервы расстроены. Да не помогает карамель, все равно курю и курю.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Бери, Олюшенька, бери... Генерал добрый. Скажи, Олюшенька, «мерси»... (*Подхватывает Ольку на руки, уносит за перегородку, и Николаевна исчезает с Олькой.*)

Опять слышался вальс и стал удаляться. Из двери, не той, в которую входил Чарнота, а из другой, входит П а р а м о н И л ь и ч К о р з у х и н. Это необыкновенно европейского

вида человек в очках, в очень дорогой шубе и с портфелем. Подходит к Головану, подает ему карточку. Голован передает карточку Хлудову.

Х л у д о в. Я слушаю.

К о р з у х и н (*Хлудову*). Честь имею представиться. Товарищ министра торговли Корзухин. Совет министров уполномочил меня, ваше превосходительство, обратиться к вам с тремя запросами. Я только что из Севастополя. Первое: мне поручили узнать о судьбе арестованных в Симферополе пяти рабочих, увезенных, согласно вашего распоряжения, сюда в ставку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.